

ПРЕОДОЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ НАРЦИССИЗМ

Оксана Запорожец

Мне думается, что в разговоре о публичной социологии сегодня более целесообразно обсудить имеющий опыт публичной деятельности представителей *различных социальных наук, современного искусства и социальных активистов*, а также поразмыслить о *компетенциях*, востребуемых в публичной деятельности, чем абстрактно теоретизировать на тему публичности социологии или обозначать нормативные варианты развития событий (например, рассматривать профессионализацию сумбурных и малокомпетентных людей из некоммерческих организаций как великую миссию социолога — идея, прозвучавшая в одной из дискуссий о публичной социологии). Сведение дискуссии к обсуждению абстрактной модели или нормативных вариантов сегодня, по моему убеждению, лишь подчеркивает стремление социологов сохранить статус-кво и свою экспертную позицию, а также ограничить дискуссию профессиональным сообществом. В этом случае гораздо плодотворнее, на мой взгляд, обозначить имеющийся спектр публичных действий и «картографировать» сложившиеся практики для лучшего понимания ситуации. Выбирая подобную оптику, я сосредоточилась лишь на некоторых вопросах редакции, показавшихся мне наиболее значимыми для развивающейся в сообществе дискуссии о публичной социологии.

3. Исходя из ваших представлений об основных профессиональных задачах социолога в современном российском обществе, как вы видите задачи и границы публичной социологии в России сегодня? Как эти задачи соотносятся с «публичными» вариантами «соседних» социальных наук — политологии, экономики, антропологии, истории?

Недавно мне довелось писать комментарий к сборнику «Белформат» (Усманова 2008), готовившемуся к публикации сотрудниками Европейского гуманитарного университета (ЕГУ). Гражданская устремленность проекта очевидна — это попытка наших коллег предложить публике свое видение современной белорусской ситуации, проявить скрытые основания репрессивного социального порядка. Легкость и изящество стиля делали книгу доступной широкой аудитории. Насыщенность деталями повседневности и житейскими ситуациями подтверждали погруженность в реалии, включенность мнений публики в тексты. Первым моим ощущением от книги было четкое определение ее публичности, так и хочется добавить — помещение в рамки публичной социологии. Все было бы справедливо, если бы среди авторов были профессиональные социологи или проект осмыслился как социологический. Но нет, подобная концептуализация или профессиональная идентификация были излишними.

Закономерно возникает вопрос: почему сейчас именно социологи предпринимают попытку говорить о публичности своей науки и задают вопросы о ее границах. Очевидно, что публичность — достаточно давняя традиция социальных наук, не являющаяся исключительной монополией социологии. Достаточно вспомнить

близкие даже во временной перспективе феминизм, ситуационизм, cultural studies образца Бирмингемской школы и многое-многое другое. В обозначении публичности как «именно и только» социологического проекта (именно это ощущение вызывает метафора «публичной социологии») мне видится некоторое непроговариваемое стремление социологов найти свою особенность среди направлений (например, cultural studies), теснящих социологию на ее собственных предметных полях. Проект публичности социологии в этом варианте (достаточно живучий, судя по формулировке вопроса об отличиях публичности в «соседних социальных науках», предложенной редактором) — это возвращение к дисциплинарному делению вековой давности, откровенное игнорирование современного состояния социальных наук, ориентированных скорее на интеграцию, нежели на подчеркивание дисциплинарных различий. Поэтому публичность, понимаемая в данном случае как обозначение гражданской позиции посредством представления результатов исследований / рефлексии широкой аудитории и инициирования общественных дебатов, видится мне скорее сложившейся общей практикой и задачей различных социальных наук, нежели уникальной чертой социологии.

В связи с пониманием публичности как общей особенности социальных наук, на мой взгляд, целесообразно размышлять не о дисциплинарных отличиях ее воплощения, а о концептуализации этого направления и критериях, позволяющих оценивать данную деятельность. Кроме того, важно признать, что публичные акции исследователей нередко испытывают сильнейшее влияние ненаучной традиции, например искусства, рассматриваемого в постмодернистском проекте как равноправный способ рефлексии и представления результатов.

4. Ряд исследователей связывает отсутствие публичной социологии в России с недостаточной институционализацией и профессионализацией науки. Согласны ли вы с такой оценкой? Почему?

Ни одна из составляющих данной оценки не кажется мне понятной или убедительной. Что значит «достаточность» в данном случае, и когда же она наступит, если сейчас ее нет в наличии? Почему публичная социология отсутствует? Если понимать публичную социологию как науку, результаты которой доступны массовой неакадемической аудитории, то ежедневно мы сталкиваемся с публичностью отдельных персон, наблюдая на центральных телеканалах присутствие «идеологически правильных» экспертов от науки, легитимирующих необходимую на данный момент точку зрения. В этом случае укор в отсутствии публичной социологии скорее означает сожаление «не о тех людях» в медийном пространстве.

На мой взгляд, сегодня важно говорить не о наличии / отсутствии публичности (эта дискуссия была бы уместна несколько десятилетий назад), а о критериях и качестве многообразного присутствия исследователей в публичном / медийном пространстве. События в МГУ и Европейском университете в Санкт-Петербурге, а ранее ЕГУ в Минске подчеркнули важность *компетентного* присутствия представителей социальных наук в медийном и физическом пространстве для общения с массовой аудиторией и представления собственной позиции.

Позволю себе несколько сузить рассматриваемое поле и обратиться к медиа, значимость которых была столь ощутима в упомянутых событиях. Произошедшее убедительно продемонстрировало, что роль социолога-эксперта, говорящего на заданные темы и вписывающегося в существующий медийный формат, далеко не единственная. Не менее важно сегодня уметь быть ньюсмейкером — инициатором обсуждения, способным привлечь внимание аудитории к своему сообщению, выбрать верный канал и способ представления, интересный и понятный аудитории. В качестве примеров медийного профессионализма мне хотелось бы привести серию телепередач о повседневных изменениях в Белоруссии (проблематизирующих скрытые смыслы таких распространенных сегодня практик, как евроремонт или потребление), подготовленных коллегами из ЕГУ, фестиваль социальной рекламы «Виноградарь», организуемый коллегами из научно-исследовательского центра «Регион» (Ульяновск), иронические уличные перформансы коллег из ЕУ в СПб.

Безусловно, ряд может быть продолжен другими успешными попытками использовать каналы и способы представления информации, выходящие за пределы пространства университета и получающие отклик

у неакадемической аудитории. Расширение спектра возможных публичных ролей и переход от позиции «говорящей головы» к роли ньюсмейкера актуализирует сотрудничество исследователей с обладателями необходимых компетенций — журналистами, кинематографистами и другими, размывает границы научного поля и делает ощутимой ограниченность имеющихся компетенций. Мне думается, что для профессионалов важно своевременно осознать потребность в новых компетенциях и отреагировать на этот вызов. В противном случае наиболее вероятным вариантом развития событий становится музеефикация науки и разговор с самими собой в университетских аудиториях.

Думается, что «публичная социология» станет одним из ключевых концептов, проблематизирующих состояние современной научности, ее критерии и границы. В данном случае мне представляется важным не выстраивать многочисленные редуты между различными научными и творческими сообществами, обывателями (всеми, кто имеет сходные задачи), а делать шаги навстречу, заимствовать навыки, наращивать компетенции «быть публичным», понимая, что следствием расширения границ станут образование новой деятельности и необходимость ревизии дисциплинарных канонов.

б. Говорят ли что-нибудь о перспективах развития публичной социологии закрытие «старого» ВЦИОМ в 2003 году, «бунт студентов» на социологическом факультете МГУ и история с закрытием Европейского университета в СПб в феврале-марте 2008 года?

Упомянутые события достаточно трудно рассматривать как однозначные примеры публичной социологии. Публичная социология при всей неопределенности и метафоричности концепта, на мой взгляд, все же скорее ориентирована на установление диалога с обществом на темы, не ограничивающиеся интересами одной профессиональной группы. Мне близка идея, неоднократно высказываемая различными участниками дискуссии, о сокращении дистанции между обществом и профессиональным сообществом. И думается, что этот путь имеет два направления: открытость социальных наук со всеми их проблемами и противоречиями для общества и погружение исследователей в актуальные общественные проблемы. Сосредоточенность лишь на первом аспекте чревата изоляционизмом — замыканием на внутренних проблемах науки, поэтому говорить о них, безусловно, стоит. Но не следует превращать их в основной предмет диалога, в противном случае общество все больше начнет ассоциироваться с ресурсом, востребованным социологами лишь в «сложных профессиональных ситуациях» и при очередных противоречиях с властью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Усманова, Альмира (отв. ред.). 2008. *Белорусский формат: невидимая реальность*. Вильнюс: ЕГУ.